

УДК 821.112.2

ЭКЗОТИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ НЕМЕЦКОГО ПИСАТЕЛЯ МАКСА ДАУТЕНДЕЯ*

Т. В. КУДРЯВЦЕВА,

*доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела литератур Европы и Америки новейшего времени,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
121069, Москва, улица Поварская, 25а,
тел. +7 (919) 994-94-17, e-mail: muchina@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Кудрявцева Т. В. Экзотизм в творчестве немецкого писателя Макса Даутендея.

В статье рассматриваются особенности поэтики и топики экзотизма, ярко проявившие себя в творчестве немецкого писателя рубежа XIX–XX в. М. Даутендея. Исследование проводится в рамках историко-контекстуального подхода, с использованием сравнительного, имагологического, мотивного анализа произведений, посвященных восприятию Китая в контексте неоромантических тенденций.

Ключевые слова: экзотизм, неоромантизм, импрессионизм, рецепция, Китай.

* Работа написана в рамках выполнения научно-исследовательского проекта РФФИ/РГНФ «Литературный процесс первой половины XX века в Европе и Америке: направления и школы» № 17-04-00073.

SUMMARY

Kudryavtseva T.V. Exoticism in the Works of German Writer Max Dauthendey.

The article discusses the features of poetics and topics of exoticism, clearly manifested in the works of German writer M. Dauthendey (1864–1918). The research is conducted in the framework of the historical-contextual approach, using comparative, imagological, motivic analysis of works devoted to the perception of China in the context of neo-romantic trends.

Keywords: *exoticism, romanticism, impressionism, reception, China.*

Предмет импрессионистического искусства, которое на рубеже XIX–XX вв. было призвано вносить разнообразие (прежде всего эстетическое) в пагубную для творческой личности монотонность европейской жизни, составляла передача совокупного образа мимолетных, сменяющих друг друга, подобно кинокадрам, впечатлений от экзотических красот далекого мира. В подобных произведениях читатель не найдет ни острых сюжетных коллизий, ни раскрывающих характер героев длинных монологических либо диалогических текстов. Повествование сосредоточено главным образом на описании внутреннего состояния персонажа, который стремится познать свое истинное Я посредством сенсорной фиксации «внешних раздражителей»: природы, окружающей среды и людей. В путевых заметках экзотической литературы, как в калейдоскопе, мелькают пестрые картины диковинного для европейца «мира концентрированной красочности» [1, с. 169]. Почти гогеновское опьянение восточной колоритностью, пышностью, новизной ощущений» [1, с. 169], питающих поэтическое вдохновение, было характерно для немецкого писателя Макса Даутендея (Max Dauthendey, 1864–1918). В лиро-эпическом дневнике «Окрыленная земля. Дневник любви и чудес семи морей» («Die geflügelte Erde. Ein Lied der Liebe und der Wunder um sieben Meere», 1910) эстетизированные

картины дальневосточных и юго-восточных пейзажей сменяют друг друга не по контрасту увиденного, а сливаясь в единый одухотворенный (в соответствии с распространенными на рубеже веков идеями панпсихизма) зачаровывающий ландшафт. Как правило, в неизвестном художнику доселе мире, воспринимаемом как нечто отличное от привычных картин целое, европейский путешественник замечает общие, присущие чужой для него цивилизации географические, антропологические, культурологические черты. Для немецкого писателя рубежа веков главное в познании чужого – пропустить это чужое сквозь собственную плоть и, почувствовав силу протейского перевоплощения, пережив временную культурную ассимиляцию («в эти дни я стал китайцем») [6, с. 134], обновить свой дух [5, с. 534]. Более того, первое, самое свежее впечатление рождает потребность поделиться увиденным с теми, кто остался дома, а именно, посредством поэтической телепортации обретших крылья заморских красот:

<...> я дал земле крылья из рифм и ритмов. И семь морей однажды вечером, спустятся к твоему окну, любимая, и подарят песни со всей земли <...> [4, с. 469].

При этом, как и в эпоху Просвещения, на передний план выступает идея универсализма природы и культуры как достояния всех живущих на земле людей, единых по крови и духу. Китаю в этом «празднике мира» («Das Lied der Weltfestlichkeit», 1918) отведена роль «великой песни человечества» [4, с. 288]. Но не только. Выявляя, сравнивая, различая особенности того или иного народа, населяющего экзотические для него страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, Даутендей делает общие выводы, опираясь на увиденное в конкретных местах. Поэтому не случайно, что Китай, представленный картинами жизни «делового» Гонконга, предстает менее сказочным, чем, скажем, Бирма. Здесь нет места оторванным от жизни мечтаньям индусов, или эстетической изысканности японцев.

Здесь царит дух «пунктуальности» [4, с. 251], ощущается пульс реальных трудовых будней:

В Китае тебя, в отличие от Индии, окружает пространство, а не бесконечность.

Рядом с тобой плечо к плечу шагает человечество, живущее во времени [4, с. 250].

В цикле новелл «Лингам» («Lingam», 1909) внимание писателя больше приковано к людям; природа как таковая служит скорее неким фоном, позволяющим лучше прочувствовать характер человека. Причем, его натура, внутренний мир, помыслы и поступки, а, стало быть, и национальный колорит раскрываются через внешность аборигенов, описания которой не менее красочны, чем описания природы. Более того, природа и человек, словно дополняя друг друга, сливаются в экзотическую для европейца единую биологическую плоть: «китаец побледнел, как молочно-голубой воздух Пенанга» [2, с. 135], «изящное тело куртизанки» напоминает «мякоть манго» [2, с. 143], «груди и крестец китаянки Ли Се подобны арбузам» [2, с. 152]. Однако, как и в «Окрыленной земле», в «Лингаме» китайцы предстают более «цивилизованными», тогда как бирманцы, индусы, малайцы в своем большинстве облачены в костюмы Адама и Евы.

Новеллы, имеющие, как правило, бытовой сюжет (на первый план выступают наблюдаемые со стороны бытовые реалии жизни обитателей далеких стран: лавочников, ремесленников, проституток и т.д.), увлекают читателя своей непритязательной простотой и наивностью, что призвано показать характер жизни и социальных связей среди аборигенов.

Однако в каждом случае сюжет оказывается, в большей или меньшей степени, окрашен мистикой Востока. Некий налет сказочности, а порой и притчевости, поднимает рядовое бытовое событие из жизни разных слоев населения на некий уровень метафизического прозрения.

**ПЕРЕВОД НОВЕЛЛЫ
М. ДАУТЕНДЕЯ «DER UNBEERDIGTE VATER»
НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(ЯЗЫК ОРИГИНАЛА – НЕМЕЦКИЙ)**

М. ДАУТЕНДЕЙ

НЕ ПРЕДАННЫЙ ЗЕМЛЕ ПРАХ ОТЦА

Нефритовая улица в Кантоне (старое европейское название города Гуанчжоу на юге Китая), названная так по обилию ювелирных лавок, заполненных драгоценными нефритовыми камнями, в роскоши и великолепии не знает себе равных в городе. Когда попадаешь на эту улицу, отделенную деревянной стеной от других, где делают гробы, торгуют мясом и мебелью, то поначалу думаешь, что ты очутился в неземном мире. Магазины, в которых продаются нефритовые камни, сверкают позолотой фасадов и узорчатых деревянных заборов. Торговые помещения не отгорожены от улицы стеклянными окнами. Позолоченные ветви деревьев с позолоченной листвой, сплетаясь в причудливые фигуры, словно золотые гардины, нависают над магазинами. Улица, как и все в Кантоне, так узка, что там едва разойдутся трое. В дождливую погоду здесь сыро и полутемно, как в длинном канале, из которого выныривают в золотой ухмылке, будто костры-привидения, торговые ряды. Словно бесчисленные кулисы, изумрудной зеленью, синевой индиго и пурпуром сверкают вывески. Внутри бесшумно, как белые мыши, снуют китайцы в белых, лиловых и голубых скоморошьих одеждах, их головы появляются и исчезают за позолоченными ветвями и разноцветными вывесками-кулисами, подобно полной желтой луне. – На этой улочке держал нефритовую лавку Хэй Си, здесь он прожил всю свою жизнь, почти никогда не выходя

за пределы огороженного пространства; и только теперь, после смерти, впервые за много лет и в последний раз он покинул свое заведение. Его тело отвезли в особый район на окраине Кантона, где расположены усыпальницы, в которых покойники дожидаются погребения.

Пять сыновей Хэй Си, заказали для отца три гроба, один цвета серебра, другой – слоновой кости, третий – из сандалового дерева; все они, тютелька в тютельку, вошли друг в друга, и в сей ковчег был положен богатый торговец нефритами, а какой-то бонза должен был предсказать самый благоприятный день для похорон. Но тут обнаружилось, что отец не был богатым человеком, каким считали его люди. В магазине вместо денег нашли лишь векселя, и оставшиеся драгоценности из нефритов едва могли покрыть долги усопшего, оплачивать три дорогих гроба было нечем. Пятеро сыновей всю ночь гадали, сидя в гробнице рядом с забальзамированным телом отца, что им делать. Гробовщики пришли спустя два дня и изрекли:

– Мы дадим вам неограниченную ссуду на три гроба, но ваш отец не может быть похоронен до тех пор, пока вы за них не заплатите.

В Кантоне было в порядке вещей оставлять забальзамированные тела непогребенными, они могли лежать годами, пока родственники не находили достаточной суммы денег на ритуальные услуги.

Поэтому сыновья Хэй Си спокойно отнеслись к словам гробовщиков и не стали с ними спорить.

Они посоветовались, и старший сказал:

– Я отправлюсь в Японию, попробую дешево купить там старый китайский нефрит и потом выгодно продать его в Китае, где его теперь трудно отыскать, на вырученные деньги мы сможем похоронить отца.

Второй брат сказал:

– На нефрите много не заработаешь, я поеду в Гонконг и займусь торговлей опиумом. Так мы скорее сможем выкупить гробы.

Третий сказал:

– Нефрит и опиум нынче плохо идут. Я отправлюсь в Шанхай и сделаюсь маклером на иностранной бирже. Пришлые люди, чьи военные корабли заполняют Шанхайский порт, учат нас, что на фондовом рынке состояние можно сделать быстрее, нежели торгуя нефритом и опиумом. На заработанные деньги я смогу устроить похороны быстрее вас.

Четвертый из братьев заплакал и, вздохнув, сказал:

– Я постерегу гроб, пока вы не вернетесь, и каждое утро буду наливать в жертвенные пиалы свежий чай и покупать восковые свечи и сандаловые благовония. А пятый брат пусть тем временем караулит лавку и торгует остатками нефритовых камней, чтобы заработать хотя бы на ежедневные жертвоприношения предкам.

Договорившись таким образом, все пятеро покинули усыпальницу и вернулись в нефритовую лавку, чтобы провести там вместе последний вечер.

Ни один из пятерых не вспомнил о своей единственной сестре, молодой девушке, которая осталась одна в жилых помещениях в задней части дома. Она сидела в самой дальней комнате, в проеме круглой двери, за оранжереей и плакала, уткнувшись в рукав шелкового кимоно.

«Девицам дозволено плакать и загадывать желания, мужчинам пристало заниматься делами», как-то однажды с пренебрежением сказали ей братья. Плакала она много; но что она могла пожелать? Она смотрела на безлюдный темный дом, в котором блестела лишь перламутровая отделка мебели. В отчаянии она выдернула из своих черных, как ночь, волос изумрудную нефритовую заколку и хотела вонзить ее в самое сердце. Но скользкая игла ускользнула из рук, упала на керамическую плитку в саду и сломалась.

– Стало быть, я не зову к себе смерть, – сказала она, – я намерена жить, иначе заколка не сломалась бы. Игла угадала мое истинное желание.

И девушка обрадовалась, что осталась жива, умирать ей и вправду не хотелось. «Но что мне делать с моей жаждой жизни», – подумала она; «я не могу, в отличие от братьев, похоронить отца, так что жизнь моя никчёмна. Если бы мне было дано похоронить отца, когда у братьев сейчас нет денег!»

Пока молодая китайка раздумывала, что ей делать, под ней вдруг начал дрожать пол, цветные стеклянные стены, которые отделяли комнаты друг от друга, задребезжали, а в маленьком садовом дворике раздался глухой металлический звук. Молодая девушка зажмурилась от удивления. В центре двора стояла серебряная чаша, в которой обычно, удерживаемый на металлическом наконечнике, качался маленький серебряный шар; он-то и упал в чашу, огласив дом громким звуком. Это указывало на землетрясение, металлический голос предписывал покинуть дом всем его обитателям.

Со всех сторон послышались крики. Прислуга спешила выбраться наружу. Стены вдруг зашатались, потолок тоже пришел в движение, цветочные горшки в саду сгурбились, желтая и синяя плитка заплясала на дорожках. Девушка вскочила, но не решалась сделать ни шага вперед или назад. Она стояла в проеме двери и била в ладоши, чтобы унять страх. Воздух наполнился серой пылью, сокрыв все вокруг. Крысы мчались на волю, буквально перелезая через девушку, а одна уселась на ее голове. Девушка устремилась вместе с крысой сквозь разбитые стены комнат, перелезая через упавшие кресла и большие, цветочные вазы, катившиеся по полу. Она бежала вслепую через густые облака пыли, в которых с грохотом рушились сотни невидимых предметов. Она не решалась дотронуться своими миниатюрными пальчиками до крысы, сидевшей на ее голове. Братьев из нефритовой лавки и след простыл. Большой красный алтарь предков, стоявший у входа, обрушился, молодая девушка перепрыгнула через обломки,

упала, и больше не встала бы, если б не крыса, которая все еще сидела у нее на голове. Девушка мчалась по улицам, полным дыма и пепла, словно крыса по воздуху тащила ее за волосы. Она не осознавала, что вокруг горят дома, лежат убитые и раненые, пока вокруг не стало совсем тихо, и она поняла, что находится в квартале усыпальниц, в гробнице своего отца. С громким писком крыса соскочила с головы девушки и нырнула в разрытую землетрясением землю.

Девушка присела на пол и даже не заметила, что труп ее отца вместе с тремя гробами исчез. Спустя несколько часов, когда пыль улеглась, один за другим появились пять братьев. Их изумлению не было границ, когда они, не увидев покойника на месте, обнаружили, что разверзшаяся во время землетрясения земля погребла отца вместе с гробами.

Молодая девушка подняла глаза и сказала:

– Не удивляйтесь, я, никчемная девица, пожелала похоронить отца. Простите, что мое желание сбылось; я знаю, что девицам не пристало что-то делать.

Братья сильно обрадовались и сказали:

– Гробовщики не имеют права выкапывать покойника из-под земли. Если ты, сестра, своим кротким желанием смогла похоронить отца, значит ты, слабая девица, своими причитаниями и желаниями выказала большую силу, нежели мы, мужчины, своими делами [3, с. 166–174].

*(Перевод с немецкого
Т.В. Кудрявцевой)*

Список использованных источников

1. Гальперина Е. Даутендей Макс // Литературная Энциклопедия: В 11 т. М., 1930. Т. 3. Стб. 169.
2. Dauthendey M. *Lingam. Zwölf asiatische Novellen.* München: Albert Langen, 1909. S. 200.

3. Dauthendey M. Der unbeerdigte Vater // Dauthendey M. Lingam. Zwölf asiatische Novellen. München: Albert Langen, 1909. S. 166–174.

4. Dauthendey M. Die geflügelte Erde. Ein Lied der Liebe und der Wunder um sieben Meere. München: Albert Langen, 1910. 547 S.

5. Dauthendey M. Letzte Reise. Aus Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen. München: Albert Langen, 1925. 584 S.

6. Dauthendey M. Mich ruft dein Bild: Briefe an seine Frau. München: Albert Langen, 1930. 447 S.